

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 122 (4088)

Суббота, 3 октября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ДВА ГОДА НАЗАД ЗАПУЩЕН ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ИСКУССТВЕННЫЙ СПУТНИК ЗЕМЛИ

Звездный час человечества

ЗВЕЗДНЫМИ часами человечества назвал немецкий писатель Стефан Цвейг периоды великих свершений в жизни народов. Если пробоет звездный час, писал Цвейг, он предопределяет грядущие годы и столетия. Таким звездным часом человечества можно по праву считать наше время, когда свершаются вековые мечты и надежды народов, населяющих земной шар. «Человечество живет сейчас в прекрасное время», — писал в ответе на письма и телеграммы, поступившие в связи с поездкой в США, Никита Сергеевич Хрущев. — Это — время расцвета науки и техники, экономики и культуры, когда поистине сказки становятся былью. Люди веками мечтали о межпланетных путешествиях, и вот теперь мы на пороге осуществления этой дерзновенной мечты.

Н. ВАРВАРОВ

Несмотря на громадные трудности, которые предстоит преодолеть, прежде чем человек направится к этим таинственным мирам, мы знаем, что уже недалеко то время, когда первые исследователи высадятся на их поверхности. В чем же состоят трудности достижения соседних к Земле планет?

Прежде всего следует указать на громадные расстояния, отделяющие Марс и Венеру от Земли. Только в периоды великих противостояний, раз в 15 или 17 лет, Марс приближается к Земле на минимальное расстояние, равное 55 миллионам километров. В остальное время он находится на значительно большем удалении от нашей планеты, достигая 400 миллионов километров. Минимальное расстояние между Венерой и Землей составляет в среднем около 40 миллионов километров, а максимальное — 258 миллионов километров.

Мы знаем, что вторая советская космическая ракета достигла поверхности Луны через полтора суток полета, пройдя путь в 379 тысяч километров. Продолжительность же полета на Марс и Венеру значительно больше. При минимальной скорости отлета около 11,5 км/сек. межпланетный корабль только через 259 суток достигнет Марса, пройдя путь в 588 миллионов километров. Через 146 суток он может достичь Венеры, покрыв расстояние, равное 400 миллионам километров. Кроме того, если обратный полет к Земле возможен от Луны в любое время, то обратный полет от Марса возможен только по истечении 455 суток пребывания на нем, а от Венеры — через 467 суток. Объясняется это тем, что вследствие различных скоростей движения планет вокруг Солнца (Земля движется со скоростью около 30 км/сек., Венера — 35 км/сек., а Марс — 24 км/сек.) и их расстояний от Солнца изменяется и взаимное расположение планет в пространстве. Поэтому и полет возможно производить только в строго определенное время.

Разумеется, что столь значительная продолжительность межпланетного путешествия потребует и большого запаса различного рода грузов. Достаточно указать, что если вес полезного груза космического корабля (кабины с исследователями, научной аппаратурой и продуктами питания) взять равным 10 тоннам, то при использовании самого лучшего химического топлива стартовый вес даже лунной ракеты составит 3 000 тонн, а марсианской — более 25 000 тонн. Мы знаем, что создание таких кораблей невозможно. Напомним, что вес содержимого яйца только в десять раз больше, чем его скорлупа. Построить же ракету, в которой полезный груз был бы в сотню и тысячу раз меньше, чем весит топливо и ее конструкция, немислимо.

Нельзя ли сократить продолжительность полета? Можно, но для этого нужно увеличить скорость. Расчеты показывают, что при начальной скорости 16,7 км/сек. продолжительность полета на Марс составит 70 суток. Это одна из особенностей космической навигации: при увеличении в данном случае скорости лишь в 1,4 раза продолжительность полета сокращается в 3,7 раза. Однако при этом возрастает и необходимый запас топлива на корабле.

Эти трудности предвидел еще пионер звездных дорог К. Э. Циолковский, и поэтому он предложил для межпланетных сообщений использовать в качестве топливозаправочных станций искусственные спутники небесных тел. Он считал, что межпланетная станция вблизи нашей планеты должна быть построена на Земле, а затем по частям, с помощью грузовых ракет, доставлена на определенную высоту. Там астронавты должны собрать ее в единую конструкцию, приспособленную к длительному пребыванию людей и сосредоточению необходимых грузов. На ней могут быть размещены не только различные лаборатории, но и помещения для сборки межпланетных кораблей.

Учитывая большую продолжительность межпланетных сообщений, следует признать целесообразным производить полет не одиночными кораблями, а экспедициями, включающими несколько кораблей. В этом отношении полезно провести некоторую аналогию с путешествиями Колумба и Магеллана. Первый не открыл бы Америки, если бы он отправился не на трех, а на одной каравеле. А экспедиция, возглавляемая Магелланом, не совершила бы кругосветного путешествия, если бы в ее составе не было пяти судов. Авторы многочисленных научно-фантастических произведений, рассказывая о первых межпланетных и межзвездных сообщениях, обычно не задумываются над этим и направляют своих героев в неизведанные глубины космоса на одиночных космических кораблях.

В этом смысле следует признать более реальными проекты некоторых зарубежных авторов (например, Брауна), предусматривающих одновременную посылку нескольких космических кораблей, из которых только один вернется к Земле. Приблизившись к загадочной планете, как предполагает автор этих проектов, астронавты устанавливают такую скорость корабля, которая необходима для движения вокруг нее в качестве искусственного спутника. Отсюда будет видна увлекательная панорама марсианской поверхности и, вероятно, можно будет выбрать хорошие посадочные площадки, для того чтобы направить туда специальный корабль с исследователями. Выполнив свою задачу, они смогут вернуться в состав группы, уже подготовленной к обратному полету на Землю.

Полеты к Марсу и Венере позволят разгадать многие тайны природы. Но самым величественным будет ответ на вопрос о прошлом и будущем нашей планеты. Если предположить, что Солнце в далеком прошлом было более горячим, чем сейчас, то наиболее благоприятную температуру для развития жизни имели, по мнению ученых, сначала самые отдаленные планеты — Плутон и Нептун. Поверхность же Земли в это время была, надо полагать, накалена до степени, исключающей всякую возможность развития жизни. Но по мере того, как яркость Солнца ослабевала, в более благоприятном температурном режиме оказывались планеты Уран, затем Сатурн, далее Юпитер, Марс и Земля. Поэтому, если исходить из справедливости этой гипотезы, то, следовательно, изучение человека Марса даст возможность установить, что ожидает нашу Землю в будущем, а изучив Венеру, человечество узнает о прошлом нашей планеты. Но если исходить из предположения, что в далеком прошлом Солнце было холоднее, чем сейчас, то весь процесс смены обитаемости планет должен протекать в обратном порядке, то есть от планет, расположенных ближе к Солнцу, к более удаленным от него. Тогда благодаря посещению Марса человек узнает о прошлом Земли, а Венера расскажет о ее будущем. Кроме того, человечество получит ответ и на другой вол-

агущий вопрос: что происходит с нашей светлом — Солнцем, находится ли оно в стадии разогревания или же охлаждается.

Земля — колыбель человечества, а домом для него является космос. Сегодня человечество переступило только через край своей колыбели, и перед ним открылся безграничный и непознанный мир. Мы знаем, что проникновение в микрокосмос дало человечеству неисчерпаемый источник термоядерной энергии; проникновение же в макрокосмос сулит ему новые, великие открытия. Разумеется, разгадка еще многих тайн природы потребует от человечества героических усилий, неистощимой страсти и вдохновенных творческих дерзаний.

При подготовке к осуществлению полета на Марс, Венеру и другие планеты человечество неизбежно столкнется с необходимостью огромных затрат, для чего, естественно, потребуется кооперация не только научных работ, но, возможно, и материальных средств разных стран. Поэтому чем раньше будет покончено с этой вооруженной, тем скорее будут решены многие жизненно важные для человечества проблемы, связанные с улучшением жизни на Земле, в том числе и полеты к планетам — спутникам Солнца и других звезд.

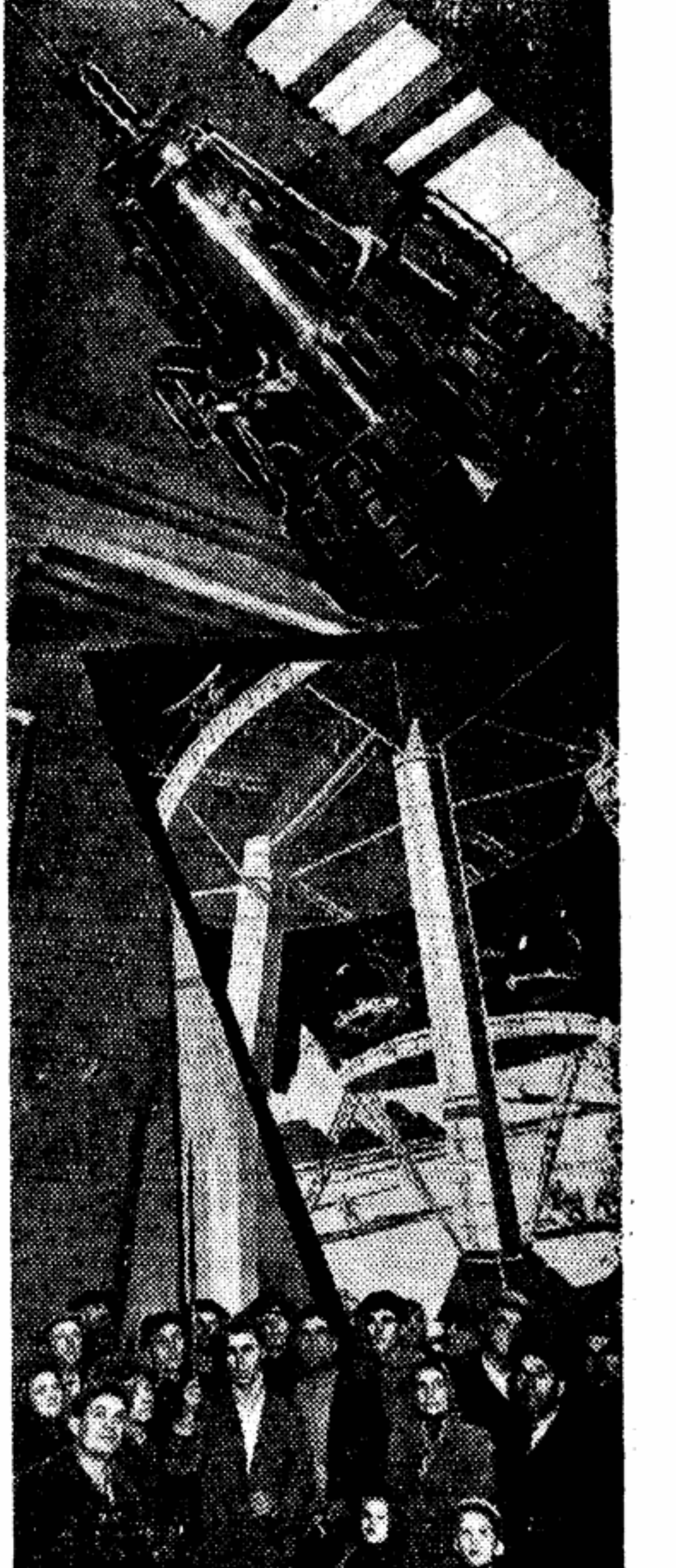
Полеты к Марсу и Венере позволят разгадать многие тайны природы. Но самым величественным будет ответ на вопрос о прошлом и будущем нашей планеты. Если предположить, что Солнце в далеком прошлом было более горячим, чем сейчас, то наиболее благоприятную температуру для развития жизни имели, по мнению ученых, сначала самые отдаленные планеты — Плутон и Нептун. Поверхность же Земли в это время была, надо полагать, накалена до степени, исключающей всякую возможность развития жизни. Но по мере того, как яркость Солнца ослабевала, в более благоприятном температурном режиме оказывались планеты Уран, затем Сатурн, далее Юпитер, Марс и Земля. Поэтому, если исходить из справедливости этой гипотезы, то, следовательно, изучение человека Марса даст возможность установить, что ожидает нашу Землю в будущем, а изучив Венеру, человечество узнает о прошлом нашей планеты. Но если исходить из предположения, что в далеком прошлом Солнце было холоднее, чем сейчас, то весь процесс смены обитаемости планет должен протекать в обратном порядке, то есть от планет, расположенных ближе к Солнцу, к более удаленным от него. Тогда благодаря посещению Марса человек узнает о прошлом Земли, а Венера расскажет о ее будущем. Кроме того, человечество получит ответ и на другой вол-

агущий вопрос: что происходит с нашей светлом — Солнцем, находится ли оно в стадии разогревания или же охлаждается.

Земля — колыбель человечества, а домом для него является космос. Сегодня человечество переступило только через край своей колыбели, и перед ним открылся безграничный и непознанный мир. Мы знаем, что проникновение в микрокосмос дало человечеству неисчерпаемый источник термоядерной энергии; проникновение же в макрокосмос сулит ему новые, великие открытия. Разумеется, разгадка еще многих тайн природы потребует от человечества героических усилий, неистощимой страсти и вдохновенных творческих дерзаний.

При подготовке к осуществлению полета на Марс, Венеру и другие планеты человечество неизбежно столкнется с необходимостью огромных затрат, для чего, естественно, потребуется кооперация не только научных работ, но, возможно, и материальных средств разных стран. Поэтому чем раньше будет покончено с этой вооруженной, тем скорее будут решены многие жизненно важные для человечества проблемы, связанные с улучшением жизни на Земле, в том числе и полеты к планетам — спутникам Солнца и других звезд.

Полеты к Марсу и Венере позволят разгадать многие тайны природы. Но самым величественным будет ответ на вопрос о прошлом и будущем нашей планеты. Если предположить, что Солнце в далеком прошлом было более горячим, чем сейчас, то наиболее благоприятную температуру для развития жизни имели, по мнению ученых, сначала самые отдаленные планеты — Плутон и Нептун. Поверхность же Земли в это время была, надо полагать, накалена до степени, исключающей всякую возможность развития жизни. Но по мере того, как яркость Солнца ослабевала, в более благоприятном температурном режиме оказывались планеты Уран, затем Сатурн, далее Юпитер, Марс и Земля. Поэтому, если исходить из справедливости этой гипотезы, то, следовательно, изучение человека Марса даст возможность установить, что ожидает нашу Землю в будущем, а изучив Венеру, человечество узнает о прошлом нашей планеты. Но если исходить из предположения, что в далеком прошлом Солнце было холоднее, чем сейчас, то весь процесс смены обитаемости планет должен протекать в обратном порядке, то есть от планет, расположенных ближе к Солнцу, к более удаленным от него. Тогда благодаря посещению Марса человек узнает о прошлом Земли, а Венера расскажет о ее будущем. Кроме того, человечество получит ответ и на другой вол-

На Выставке достижений народного хозяйства СССР. В отделе спутников и ракетной техники павильона Академии наук. Фото М. Трахмана

агущий вопрос: что происходит с нашей светлом — Солнцем, находится ли оно в стадии разогревания или же охлаждается.

Земля — колыбель человечества, а домом для него является космос. Сегодня человечество переступило только через край своей колыбели, и перед ним открылся безграничный и непознанный мир. Мы знаем, что проникновение в микрокосмос дало человечеству неисчерпаемый источник термоядерной энергии; проникновение же в макрокосмос сулит ему новые, великие открытия. Разумеется, разгадка еще многих тайн природы потребует от человечества героических усилий, неистощимой страсти и вдохновенных творческих дерзаний.

Посвящается литературе Северного Кавказа

В ближайшем будущем в Наальчике состоится выездное заседание бюро правления Союза писателей РСФСР, посвященное литературе народов Северного Кавказа. На днях здесь вышел в свет большой сборник «Радуга над горнами», в который вошли произведения писателей автономных республик, областей — участников предстоящего заседания.

Недавно состоялось заседание представителей писательских организаций Северного Кавказа, на котором были обсуждены тезисы докладов, решены организационные вопросы. Местные газеты регулярно публикуют статьи, целые полосы, посвященные литературе братских народов. По радио и телевидению организуются циклы литературных передач, выступления писателей. Готовятся к встрече литераторов в колхозе имени Шогенушова, на волефрамо-молбидионом комбинате, где будут проведены выездные заседания, читательские конференции. Традиционные вечера поэзии состоятся во многих районах, городах Северного Кавказа. В библиотеках и клубах организуются книжные выставки.

НАЛЬЧИК. (Наш корр.)

удалось. Группу схватили и приговорили к расстрелу. Тогда местные подпольщики организовали побег из тюрьмы Лавриновича, Глухова и Груши-Николаева. Трое моряков скрылись в керченских подземных каменоломнях. Однако через несколько недель они были снова схвачены немцами и расстреляны у каменоломни.

Николай Кокарев бежал с товарищами не мог — он сидел в другой камере. Его казнили во дворе Керченской тюрьмы. Мы видели это место. Там у стены когда-то действительно стоял старинный грузовик ГАЗ, о котором у меня упоминал в письме-заявлении.

У этой каменной стены, сохранившей следы пуля, оборвалась жизнь Николая Кокарева — русского матроса, оставшегося потомком один из писемных памятников Великой Отечественной войны.

НА Керченской земле еще много безвестных героев.

Поиски Кокарева привели нас в Аджикушайскую каменоломню, в гласный лабиринт старых подземных выработок известняка. Померк солнечный свет, потонуло холодом, электрический луч скользил по каменному коридору вниз в сырой, прохладный мрак. Где-то там мерно падали капли. В дальней штольне тьма — ослеп, и, словно от взрыва, в подземелье прощелестела тугая воздушная волна. Недалеко от входа, на стене, припущенной известковой пылью, проступала четкая надпись: «Да здравствует Красная Армия!». Твердо выписанные буквы были врезаны в камень, как воинский приказ. Другими буквами — неровными, неумелыми — поодаль написано: «Встопам, товарищи!». А в соседней штольне просто выцарапано штопком на камне: «Смерть, но не плен!».

Чем дальше спускаешься в подземный лабиринт, тем страннее надписи на стенах, тем неровнее и незаметнее (Окончание на 2-й стр.)

Пекин, 1 октября. Празднование 10-летия Китайской Народной Республики. На трибуне, на площади Тяньаньмэнь — товарищи Мао Цзэ-дун, Н. С. Хрущев. Фото агентства Синьхуа (Снимок принят по фототелеграфу ТАСС)

Солнце над Пекином

В ПРАЗДНИК десятилетия Китайской Народной Республики мне повезло быть в Пекине. Такое своеобразное зрелище я еще не видел, но все же, когда смотришь на Пекин и прослеживаешь его судьбу за десять лет, вспоминаешь Москву. Другая страна, другая история, другой быт, но та же поступь, тот же смысл перемен.

Н. Н. МИХАЙЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Страна обновила на социалистических началах, и столица сюда вернулась. Чтобы быть достойным новой страны и ее великих целей, столичный город изменил свою структуру. На месте мелкой промышленности появилась крупная — недавно, например, с помощью СССР построен завод радиолам, переласочный, с тончайшим оборудованием. Окружил почтительным вниманием, Пекин сохранил памятники старины — свидетельства художественного гения нации.

Встретил, например, прямоугольные жилые блоки с обычными двускатными крышами, но не испытываешь досады и, приоткрывшись, понял, почему: скаты чуть вознеслись. Едва-едва заметно, но заметно все же — вот так художника, вот мера прекрасного.

Старые низкие кварталы — не выше императорского дворца! — обречены на постепенное и планомерное уничтожение: среди темно-серых каменных стен, покосившихся на заборы лиственных оврагов и всю зелень рывающих внутри, поднялось много новых высоких домов. Они стоят на так хорошо знакомой нам красной линии, отступая от узкой улицы. А по соседству со старым вырос новый город, как в Москве юго-запад (здесь он не западе и северо-западе). За десять лет Пекин по площади построил больше, чем имел.

В будущем Пекин даже станет портом — на портом пяти морей, как Москва, но портом для всех трех морей, прилегающих к Китаю.

К десятилетию в городе воздвигнуты десятки величественных монументальных сооружений, включая здание Всекитайского собрания народных представителей с главным залом на десять тысяч человек, Дворец культуры национальностей Китая, громадный стадион, новый вокзал с эскалаторами — я слышу бой часов с его башней.

Потом двинулся народ — семсот тысяч. Шли рабочие, студенты, крестьяне, спортсмены. Кажется, не было ни одного человека без цветка в руках. Держали также плакаты с цифрами роста или вера, обручи, зонты. Я видел кушвыни на головах у женщин в розовых платьях.

Город стал другим, но остался китайским.

Валетали огромные шары с хвостами, с выписанными иероглифами. Длинные драконы, изгибаемые, гонимые за красным солнцем на шесте. Шли всякие народности Китая — и уйгуры в тобетках, и тибетцы в шляпах и в плащах, обнуренных вокруг плеч. Преследовала даже колонна бритоголовых лам — в желто-коричневых халатах с лотосами в руках.

До победы народной революции в 1949 году столица находилась в Нанкине.

Пекин, 2 октября. (По телефону)

Октябрь 1859 года

В одной из комнат «Дома Волконского», самом старинном здании в усадьбе, открылась большая выставка, посвященная столетию со дня начала педагогической деятельности великого педагога.

Октябрь 1859 года Лев Николаевич объявил, что открывает школу в своей деревне «для всех желающих». В октябре того же года, в здании, где сейчас находится Литературный музей Яснополянской усадьбы, начались первые занятия. На выставке — фотографии учеников Л. Н. Толстого. Вот книга одного из них — В. Морозова, о котором Лев Николаевич писал в своей знаменитой статье: «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» В этой книге вспоминает В. Морозов, в котором Толстой почувствовал «сознательную силу художника», автор пишет:

«Времени и охоты у Льва Николаевича хватало с нами на все — учились, играли, веселились, беседовали, полуночничали, по Заказу и лесам гуляли... Он как бы доставал что-то глубокое в душе ученика».

Человек, ожидаящий казни, до последнего своего часа держал в руках пушкинский томик. Поэзия, переживающая людей и века, он доверил свое последнее слово к соотечественникам. Он знал: придет сюда русские люди и бережно раскроют эту книгу — истрепанную, в пятнах крови и ржавчины. И пушкинский томик до нас дошел, обращенный к потомкам: «14 октября. Последние минуты моей жизни. Силу и жажду, когда придет и скажут — выходи, и расстреляют. Сегодня ночью 6 раз проверил мою камеру — не убежал ли! Как не хочется умирать! Не от того, что страшно, а от того, что мало сделано для Родины. Но ничего, за меня сделают товарищи, которые на свободе. О, милые мои соотечественники, отомстите за нас, расстрелянных в немецких застенках, наша смерть еще раз просит: уничтожьте беспощадно извергов, которые еще разоряют наши земли и на не освобож-

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

- ★ Н. Н. Михайлов. Солнце над Пекином.
- ★ Н. Варваров. Звездный час человечества.
- ★ Л. Ющенко, В. Биршерт. Герои, кто они?
- ★ Л. Первомайский, Шенбрунн. Рассказ.
- ★ В. Круглов. Начнем с кристально чистого. Фельетон.
- ★ Писатель рассказывает. Заботы художника.
- ★ М. Демин. Новые стихи.
- ★ Р. Рождественский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, И. Харбаров, Ю. Панкратов. Иллюзии господина Штейннгера.

Герои, кто они?

Л. ЮЩЕНКО, В. БИРШЕРТ

подачи не даст. Да и я не желаю этой пощадой. Я не нищий просить жизни, я просто советский человек — простой, гордый, независимый. Я умираю за друзей, за землю, за Сталина и за счастье нашего народа в будущем, который несомненно будет счастливым. Итак, прощайте навсегда. Николай Кокарев, 14.10.43 г.

Узник хорошо знал поэзию Пушкина. Многие страниц в томике не достало, Николай Кокарев по памяти восстанавливал и подписывал названия поэмы и стихотворений. Последняя пометка сделана в «Полтаве» — там подчеркнуты карандашом две строки: Палац вошел... О, noch мученик!

Через несколько страниц запись на полях: «Может быть, что на самом деле увидит эти строки, написанные здесь, то это хорошо было бы. Кажется, прикажало наша смерть. Итак, прощайте, ждаль кончил, пришла моя смерть. Через 5—10 минут коню. Моя могила в Керченской тюрьме, во дворе хозяйственного, в углу, где машина ГАЗ побитая, я ее видел, как копали для меня. Если кто прочтет, не забудьте найти мою семью и передать сыну, ему уже 5 лет, о том, что его отец погиб за его счастье и счастье миллионов советских детей в будущем».

На этой странице запись оборвалась. Узник был казнен, вероятно, в ночь на 15 октября 1943 года.

Керченская находка с 1944 года экспонировалась в Центральном музее Советской Армии и неизменно вызывала вопросы экскурсантов: кем же был Николай Кокарев, за что его расстреляли фашисты?

Этого, к сожалению, никто не знал. Поиски в архивах были тщетны. Проникать лет не удавалось найти родных героев. Только недавно нам повезло: разыскать семью Н. Кокарева (она живет в Серпухове). Постепенно выяснилась необычная история. Матрос Черноморского флота Николай Кокарев в бою за Севастополь пропал без вести. Раненный, он оказался в плену, в лагере под Керчью — глухом углу Крыма, откуда трудно было бежать. Пленников держали за колючей проволокой на каменной земле,

СЧАСТЬЕ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

ТРИ ГОДА назад в доме юриста Александра Михайловича Тернера появилось пианино — подарок Совета Министров РСФСР. История этого подарка весьма примечательна.

Александр Михайлович Тернер и его жена Варвара Антоновна, бывший педагог-биолог, ныне пенсионер, проживающие в поселке Чертовка Ростовской области, вырастили и воспитали пятерых детей, потерявших родителей.

И вот Варвара Антоновна в Кантемировском детском доме. Когда Тернера уже собралась увезти с собой маленькую белокурую Жаночку и бойкого Юру, трехлетний Вита кинулся к Варваре Антоновне и закричал: — Я тоже с тобой хочу...

Так приехала она в родное Чертовку с тремя детьми. — Где двое, там и третий вырастет, — добродушно отозвался Александр Михайлович, выслушав жену.

«Молодое пополнение», как в шутку окрестил малышей Александр Михайлович, быстро освоилось в семье Тернеров. Вскоре родителям стало ясно, что Жаночка и Вита проявляют незаурядные музыкальные способности.

Все эти годы Жанна и Вита под наблюдением родителей упорно учились играть, развивали свои музыкальные дарования. И вот семилетняя Жанна Тернера с успехом выдержала экзамен и принята в Ленинградскую музыкальную школу.

Выдержав приемные испытания и ее братишка Вита. Со свойственным ему началом в стенах Ростовской музыкальной школы, где будет обучаться по классу рояля.

С этими радостными вестями уехала на днях домой в родное Чертовку Варвара Антоновна — замечательная русская женщина-мать.

Р. РОЗОВА

Большой популярностью у ленинградских строителей пользуется автолавка специализированного магазина №19 Ленинского района. Сегодня автолавка приехала на строительную площадку в 10-й квартал Южного района.

Герои, кто они?

(Юнчане. Начало на 1-й стр.)

бушки, оставленные слабейшей рукой: «Проклятые фашисты», «Иван Губ...», «Прощайте», «Скоронен...» и т. д.

Аджимушкайская каменоломня — это поле боя, парадельно сохранившаяся со времен Великой Отечественной войны. Даже не верится, что своими глазами видишь почти не тронутый временем военный быт.

В самом нижнем ярусе каменоломни мы видели 40-метровый, узкий, как щель, колодезь, выдолбленный осажденными. Они поглотили бы камень штыками и саперными лопатками.

В каменной нише мы нашли старые цинковые клипсы подземной армейской топографии. На цинковых пластинах заметны изображения сбитого «юнкерса», портрет советского летчика, картина на немцев.

Под землей мы видели брачные мотыли, брачные мотыли из каменных глыб с думетными абразами, наски, пробитые пулями, самодельные костыли, обмотанные проволокой, жестянки изпод американской тушенки.

После войны первыми спустились в каменоломню агенты Главгостройры — они извлекли тонны медных гильз. Прошли годы, прежде чем останки погибших были перенесены в подземные брачные мотыли.

Этот музей нужен Письмо в редакцию. Недавно мне довелось побывать в Рязани. В селе Константиновке, где родился Сергей Есенин, сохранился дом поэта.

В Константиновке часто навещаются многочисленные почитатели самоубитого таланта Есенина. Это и понятно, кому не хочется посмотреть на дом, в котором родился замечательный певец русской лирики.

И солдат мой поселдыл, Коль останется живой, Вспомнит: то-то было дело, Как сражались под Москвой... Это все говорится в похвалу Твардовскому. А вот как критик прорабатывает поэта за несуществующие идеологические ошибки.

«Единственность Теркина с фашистом, которое, как подсказывает автор, должно символизировать столкновение эстетичности и воли двух социальных систем, то во всяком случае».

Л. БОРИСОВ

Начнем с кристально чистого

МАШИНА остановилась у подъезда Центральной студии документальных фильмов. Режиссер, подерживая под руку писателя, распахнул дверь и утихо произнес: — На чак бы с вашей милостью...

— Ну и шутки же вы, — рассмеялся писатель. — Пошли! — Мне, брат писатель, не до шуток. Мне этак тысяч сто в год закончить надо. Так что напрасно по карманам шарите, ваша милость.

— Попробуйте войти сами, — сказал режиссер и поостроился. Писатель толкнул быстро закрывшуюся дверь, но она даже не дрогнула. Режиссер рассмеялся: — Без часов вы войдете, — сказал он. — Уже так у меня повелось: звонок половине гонорара за ваш сценарий — мне, режиссеру.

— Это что же — взятка? — Не то слово, брат писатель. На взятке, извините за воровской жаргон, завалиться можно. А чевые по расходу ордера черт кассу от души дают. А для начала съезьте в протяжную руку поидеявшегося режиссера.

— Вот за это можете не беспокоиться. Ответственность о чевых не узнает: в заглавном титрах фильма будет стоять ваше уважение имя, а моя, извиняюсь, фамилия появится только в платёжной ведомости. И на мою, извиняюсь, фамилию будет взираться лишь бдительное око нашего бухгалтера.

— Боже мой, что я пишу! Зачем, переполненным жгущим меня фактами, я вплотную подошел к опасной грани обобщения? Скорее, скорее к фактам. Из «ведущих», как это принято говорить, режиссеров студии мы остановимся на светлой личности С. Бубрике.

Писатель получает гонорар за написанное им самим. Иной режиссер, иной автор диетского текста, только подписывает написанное другим. Так мы узнали, что существуют не только торговцы с прилавка и из-под прилавка, но и писатели и подписатели.

Кинодраматург Нагорный со знанием дела дал исчерпывающие консультации по ряду интересующих нас вопросов. Но, странное дело, консультант Нагорный не сумел дать нам вразумительный ответ на вопрос, какие взаимоотношения сложились у сценариста Нагорного с режиссером Бубриком.

— Скажите, Семен Григорьевич, кто является автором сценария двух фильмов «Маяковский»? — Ну конечно же я! — воскликнул Нагорный. — Сценарии мои до сурочки. В титре фильмов мой фамилия! — Так мы и думали. Как же удалось Бубрику принудить вас заключить кабальный договор?

— Какой договор? — изменился в лице Нагорный. Мы нетерпеливо ждали, что он расскажет, как Бубрик научил его уже на правах соавтора выдать старый фильм за почти новый.

Автору Нагорному не нужно давать вятки режиссерам. Сейчас я припомню, как было дело со вторым вариантом. Не я, а Бубрик проделал огромную работу. Он подобрал, отобрал, он просмотрел... В действительности же «савторы» Нагорный и Бубрик просто вставили в фильм несколько отрывков из спектаклей по пьесам Маяковского да из забытой кинокартины «Барышня и хулиган».

— Да, но примерно через год, когда картина была окончена, Бубрик попросил у меня заявление в студию, и я, помню, написал его от руки на четвертушке бумаги: «Подтверждаю, что тов. Бубрик С. Д. является наравне со мной автором сценария фильма».

— Да, но примерно через год, когда картина была окончена, Бубрик попросил у меня заявление в студию, и я, помню, написал его от руки на четвертушке бумаги: «Подтверждаю, что тов. Бубрик С. Д. является наравне со мной автором сценария фильма».

— Да, но примерно через год, когда картина была окончена, Бубрик попросил у меня заявление в студию, и я, помню, написал его от руки на четвертушке бумаги: «Подтверждаю, что тов. Бубрик С. Д. является наравне со мной автором сценария фильма».

— Да, но примерно через год, когда картина была окончена, Бубрик попросил у меня заявление в студию, и я, помню, написал его от руки на четвертушке бумаги: «Подтверждаю, что тов. Бубрик С. Д. является наравне со мной автором сценария фильма».

— Да, но примерно через год, когда картина была окончена, Бубрик попросил у меня заявление в студию, и я, помню, написал его от руки на четвертушке бумаги: «Подтверждаю, что тов. Бубрик С. Д. является наравне со мной автором сценария фильма».

— Да, но примерно через год, когда картина была окончена, Бубрик попросил у меня заявление в студию, и я, помню, написал его от руки на четвертушке бумаги: «Подтверждаю, что тов. Бубрик С. Д. является наравне со мной автором сценария фильма».

— Да, но примерно через год, когда картина была окончена, Бубрик попросил у меня заявление в студию, и я, помню, написал его от руки на четвертушке бумаги: «Подтверждаю, что тов. Бубрик С. Д. является наравне со мной автором сценария фильма».

Б. САРНОВ

ИМЕЮЩИЙ УШИ ДА СЛЫШИТ...

ЧТО сказали бы вы о человеке, который с научным видом знает, как удивительно похож голос Козловского на голос Шалапина, а в доказательство своей правоты приводит бы несколько примеров, свидетельствующих о том, что Козловскому, так же как Шалапину, случалось брать ноту «ля»?

По-видимому, вы не без основания предположили бы, что человек, о котором идет речь, просто-напросто глух. Впрочем, возможен и другой вариант: наш критик решил судить о голосах Козловского и Шалапина, ограничившись изучением исполнявшихся ими музыкальных партий, а мысль, что хорошо бы послушать их голоса, даже не пришла ему в голову.

К счастью, с левыми пока все более или менее благополучно. Что касается поэтов, тут дело обстоит хуже. Вот, например, П. Рошин, автор вышедшей недавно вторым изданием книжки «Поэма А. Твардовского «Василий Теркин», рассуждает о сходстве поэта Твардовского с поэтом Блоком: «Кое-где в поэме (речь идет о поэме «Василий Теркин»). — Б. С.) присутствуют... следы литературных веяний, например, блоковские мотивы в главе «Смерть и воин»:

Я теперь твой подруга, Недалеко провою, Белой выюгой, белой выюгой, Выюгой след запоршует... А сточки: В глубине родной России Против ветра, гурь вперед, По снегам идет Василий Теркин. Немца бить идет

чем-то неуловимым напоминают блоковских красногвардейцев... Действительно, у Блока часто встречается слово «выюга». Действительно, красногвардейцы в поэме «Двенадцать» тоже идут, и тоже против ветра. И тоже по снегу. Но снег напоминает также и у Пушкина. Помните? «Его лошадка, снег поглотила...» Да и выюга тоже: «Вечор ты поминишь, выюга злялась...» Почему бы на этом основании не сделать вывод, что означенные строки Твардовского «чем-то неуловимым» напоминают пушкинские?

На этот счет у П. Рошина есть целая теория: «Подобная «родственность» мотивов в поэмах Блока и Твардовского, — пишет он, — являясь не случайной, она обусловлена обращением к поэтам в большом историческом событии в жизни нашего народа. У Блока была глубокая вера в революцию как дело святое и правое (именно поэтому он отдал в спутники красногвардейцам своего Христа). У Твардовского Великая Отечественная война также дело святое и правое: Бой идет святой и правый...»

Как видите, руководствуясь этой системой, можно уловить сходство поэмы Твардовского не только с Блоком, но и, скажем, с Ломоносовым, Державиным, Лермонтовым. Кстати, сходство с Лермонтовым П. Рошин улавливает: «Поэма прорекликает, — пишет он, — с лермонтовским «Бородино» там, где поэт представляет себе участников Великой Отечественной войны в отдаленном будущем (глаза «В наступлении»):

И солдат мой поселдыл, Коль останется живой, Вспомнит: то-то было дело, Как сражались под Москвой... Это все говорится в похвалу Твардовскому. А вот как критик прорабатывает поэта за несуществующие идеологические ошибки.

«Единственность Теркина с фашистом, которое, как подсказывает автор, должно символизировать столкновение эстетичности и воли двух социальных систем, то во всяком случае».

Л. ПЕРВОМАЙСКИЙ

ШЕНБРУННА

РАССКАЗ

В КОНЦЕ мая 1945 года я осматривал Шенбрунский дворец, комнату, в которой спал Наполеон и жил император Франц Иосиф, аккуратно подстриженный парк и большую оранжерею, где старые пальмы, словно обернутые войлоком, стояли в громадных кадках, среди осколков стекла...

Мне хотелось посмотреть на зеленый газон. Я подошел к скамейке и увидел там старого человека в старомодном сюртуке и старой шляпе. Он сидел в напруженной позе, не прислоняясь к спинке скамейки, с закрытыми глазами, положив худые руки на пожелтевший набабашкинг старейшей ореховой палки. Я сел рядом с ним. Он не раскрывал глаз.

Можно было перестать на другую скамейку, но я остался. Старик сидел неподвижно, из-под шляпы на уши и на затылок падали синева-седые космы тонких волос, щетины покрывала, словно рыба четкая, седая щетина. Он был глубоко морщинистым тонким человеком, вокруг глаз, прикрытых фиолетовыми тонкими веками, что-то мелькнуло и проплыло волнами по лицу старика. Он громко, как бубенчик, выкрикивал, голоуя его склонился, но он снова поднял его, не раскрывая глаз, словно не хотел видеть этой зеленой травы, лежавшей у наших ног в тепле и силнии позднего майского солнца.

Я умышленно громко щелкнул крышки своего алюминевого портсигара. Старик удивился, увидев меня. — Закурите, — сказал я. — Вы курите? — Молча, тонкими, длинными, словно обтянутыми пергаментом пальцами он взял австрийскую сигарету и подождал, пока я выскочил из австрийской зажимной галки.

— Не плачьте, все уже прочто. Старик жадно глотал едкий дым дешевой сигареты и молчал. Ему было много лет, трудно сказать, сколько, но держался он прямо. Сюртук его, и полосатые брюки, и ботинки давно уже отслужили свое, но были чистые, как и сорочка со старинным гуттаперчевым воротничком, который сжимал морщинистую, старческую шею... Только черному галстуку бабочкой его пальца было вернуть прежней свежести. Опрятная бедность не могла бы найти лучшего воплощения. Слезы уже высохли в складках на лице старика.

Мне хотелось посмотреть на зеленый газон. Я подошел к скамейке и увидел там старого человека в старомодном сюртуке и старой шляпе. Он сидел в напруженной позе, не прислоняясь к спинке скамейки, с закрытыми глазами, положив худые руки на пожелтевший набабашкинг старейшей ореховой палки. Я сел рядом с ним. Он не раскрывал глаз.

Можно было перестать на другую скамейку, но я остался. Старик сидел неподвижно, из-под шляпы на уши и на затылок падали синева-седые космы тонких волос, щетины покрывала, словно рыба четкая, седая щетина. Он был глубоко морщинистым тонким человеком, вокруг глаз, прикрытых фиолетовыми тонкими веками, что-то мелькнуло и проплыло волнами по лицу старика. Он громко, как бубенчик, выкрикивал, голоуя его склонился, но он снова поднял его, не раскрывая глаз, словно не хотел видеть этой зеленой травы, лежавшей у наших ног в тепле и силнии позднего майского солнца.

Я умышленно громко щелкнул крышки своего алюминевого портсигара. Старик удивился, увидев меня. — Закурите, — сказал я. — Вы курите? — Молча, тонкими, длинными, словно обтянутыми пергаментом пальцами он взял австрийскую сигарету и подождал, пока я выскочил из австрийской зажимной галки.

— Не плачьте, все уже прочто. Старик жадно глотал едкий дым дешевой сигареты и молчал. Ему было много лет, трудно сказать, сколько, но держался он прямо. Сюртук его, и полосатые брюки, и ботинки давно уже отслужили свое, но были чистые, как и сорочка со старинным гуттаперчевым воротничком, который сжимал морщинистую, старческую шею... Только черному галстуку бабочкой его пальца было вернуть прежней свежести. Опрятная бедность не могла бы найти лучшего воплощения. Слезы уже высохли в складках на лице старика.

— Не плачьте, все уже прочто. Старик жадно глотал едкий дым дешевой сигареты и молчал. Ему было много лет, трудно сказать, сколько, но держался он прямо. Сюртук его, и полосатые брюки, и ботинки давно уже отслужили свое, но были чистые, как и сорочка со старинным гуттаперчевым воротничком, который сжимал морщинистую, старческую шею... Только черному галстуку бабочкой его пальца было вернуть прежней свежести. Опрятная бедность не могла бы найти лучшего воплощения. Слезы уже высохли в складках на лице старика.

— Не плачьте, все уже прочто. Старик жадно глотал едкий дым дешевой сигареты и молчал. Ему было много лет, трудно сказать, сколько, но держался он прямо. Сюртук его, и полосатые брюки, и ботинки давно уже отслужили свое, но были чистые, как и сорочка со старинным гуттаперчевым воротничком, который сжимал морщинистую, старческую шею... Только черному галстуку бабочкой его пальца было вернуть прежней свежести. Опрятная бедность не могла бы найти лучшего воплощения. Слезы уже высохли в складках на лице старика.

Взглянул горький дым, страхнул пепел с сигареты, погасил ее и спрятал в карман. — Выкурю на ночь... Когда-то я курил сигары, — не могу сказать, чтоб я позволял себе роскошь, но на привычные у меня хватало денег... Нет, спасибо, больше я у вас не возьму... Я был контрорином в солидной фирме, теперь я старый нищий. Вы говорите, что все уже прошло. Но скажите, почему мертвые не хотят умирать в нашей памяти? Почему они хотят жить в наших воспоминаниях, в нашей душе? Зачем это им? Каким семенем засевают они пустыню, что остается после них в нашем сердце? Я устал от бесплодной любви...

Облачко проплыло в небе и на минуту покрывало нас уютной тенью, какие-то птицы весело разговаривали в кустах, три девчонки в корзинках штанишках, с легкими рюкзаками за плечами, прохлани одна за другой на велосипедах по сырому асфальту. Они энергично работали красивыми, стройными ногами в спортивных туфлях и вскоре исчезли за углом. Старик глядел им вслед большими серыми глазами, прозрачными, как холодная осенняя вода, которую еще не успели покрыть листья и не замутили медленные дожди. В этой прозрачности, казалось, ничто не отражалось — все проплывало и исчезало, не оставляя следа, как облачко или лист на воде. Лицо старика было спокойным, даже равнодушным, но он обещался не мне, а словно разговаривал с самим собою, как разговаривают старые одинокие люди, утомленные жизнью, едательной борьбой, поисками ответа на лавинные нерешенные вопросы, которых под конец жизни становится все больше и больше. Если мир им не отвечает, они не смолкают. Их тропа суживается, становится короче, вот уже близко и конец, но ответа надо добиться, потому что это ведь не ответ, когда тебе забивают рот землейю, как сказал один поэт.

— Возможно, одну из них зовут Мицца... это распространенное имя, — проговорил старик, глядя своими серыми глазами вслед девушкам, которые давно уже исчезли за углом. — Когда видишь таких девушек, можно наверняка сказать, что одна из них Мицца... Но тоже звали Мицца, хотя на самом деле она была Фрида. Как это ни странно, она любила отца. Больше, чем он заслуживал. И больше, чем должно любить девичье сердце... Но разве можем мы опеделять меру нашей любви? Она жила для меня и умерла, спасая мою жизнь... никому не нужную жизнь старого контрорины, который только и делал весь век, что подсчитывал чужие доходы. Я сказал вам, как ее звали? Мицца. Мицца ее звали.

Старик сунул руку в карман, машинально вытаскил недокуренную сигарету и взял ее тонкими сухими губами. Он высек огонь из зажигалки. Огонек был бледный, еле видный, он слепя с солнечным светом и сразу же погас. Старик поблуждал, не глядя на меня. Он мог бы так же говорить с собакой, с деревом, медленно выговаривая слова, словно извлекал их из дальних тайников памяти, где они долго лежали, чуть не намертво пораженные молчанием.

— Вначале еще можно было жить, и Мицца ходила в художественную школу, хоть там уже кричали, что всех нас надо переждать, как собак, потому что мы едим немецкий хлеб и отравляем своим дыханием немецкий воздух... Я ждал ее вечерами в нашем доме, она целовала меня в плечо, — он коснулся пальцами правой руки своего левого плеча, — вот тут... И никогда не жаловалась. Даже в тот день, когда в дверях школы два негодия вырвали у нее из руки палку с рисунками и изорвали их в клочки. Им нужно было истинно немецкое искусство, это старая

В. КРУГЛОВ

ЗРЕЛОСТЬ «ЮНОСТИ»

Редакция «Юности» умеет находить у молодых отличные стихи. Вот, например, стихотворение Андрея Вознесенского «Свадьба» (№ 8).

Очень молод: на титуле его значится: «104 издания пятый». За этот недолгий срок своего существования он успел завоевать прочную и неизменную привязанность читателей. Подписаться на него труднее, чем на массовые журналы «Работница» или «Здоровье».

Заметки О ЖУРНАЛАХ

К. С. Станиславский любил говорить: «Театр начинается с вешалки. Перефразируя этот афоризм, можно сказать, что журнал начинается с обложки. Обложка «Юности» — это всегда начало знакомства с очередным номером. Брошюра и одновременно графический чехол, она сразу создает настроение, в атмосфере которого будет происходить серьезный, радостный и столь необходимый для молодежи разговор.

Имя журнала говорит о том, что он задумывался и делается для юношества — для тех, кому едва стукнуло семнадцать-восемнадцать. Но стоит только в трамваях, троллейбусах, в вагонах пригородных поездов приглядеться к его читателям, как сразу же становится ясно, что обаяние его «все возрасты покорны».

Секрет популярности журнала не только в том, что в списке произведений, опубликованных им, окажется много таких, которые пришлось по душе читателю. Существуют неписанные законы, согласно которым то, что следует печатать «Огоньку», не пристало печатать «Новому миру», а то, что годится для журнала «Вокруг света», выглядело бы странным в «Знани» или «Октябре».

С первых дней своего существования «Юность» отказалась от этих условностей журнального «хорошего тона». Здесь вы можете прочитать повесть маститого писателя Юрия Германа и «Хронику времен Виктора Подгурского» Анатолия Галилина — вещь, которая, действительно, напоминает подлинный, живой и непосредственный дневник школьника. Здесь мы прочли «Путешествие на «Конт-Тики» Тура Хейердала и «Проложение легенды» А. Буцневой, «Дело «спетрых» и «Черную моль» А. Азимова, «Незнайку в Солнечном городе» Н. Носова.

Быть может, иные пуристы назовут широту взглядов редколлегия, раскинувшая столь разных авторов, неразумностью. Я предположу, что это смелость. На его страницах соседствуют вещи самые разные. Вот, например, «Мишка, Серега и я» Н. Зелеранского и Б. Ларина. Это веселая, динамичная, стремительно развивающаяся повесть, с короткими выразительными сценами и живым остроумным диалогом. Полную противоположность ей являет повесть В. Иванова-Леонова «Генерал «Африка», рассказывающая о востанах в британской колонии Кения. И тут же рядом — роман М. Прилепина «Под северным небом», повествующий о начале революционной деятельности Михаила Ивановича Калинин.

Особенно заметно это стремление к широте и многообразию в отделе поэзии журнала.

Тут у «Юности» своя давняя традиция. Щедро предоставляя журнал свои страницы совсем молодым, никому неизвестным, начинающих поэтам.

Нечего греха таить: иной раз под рубрикой «Стихи молодых» журнал публикует стихи совсем еще незрелые, наивные. Тем не менее поэзия, занятую «Юностью» в этом вопросе, можно только приветствовать.

сказка, его испокон веков пользовалась всякая фея, но теперь на их стороне было государство, фюрер, вооруженные головорезы... Они не пустили Мицци в школу. Меня вырвали из работы, потому что и там нужен был истинно немецкий контроль, и мы долго жили тем, что Мицци рисовала картины, а варвары выставляли их, как произведения истинно немецкого искусства. И она так весело смеялась, что мне становилось страшно за ее рассудок.

У нее были большие голубые глаза, не серые, как у меня, и не карие, как у матери, а именно голубые, и волосы ей не приходилось красить: они были именно того цвета, который считался истинно немецким... Откуда у нее были эти волосы и эти глаза? Что мы знаем о своих женях? Вокруг нас всегда было много молодых красивых офицеров, художников и артистов, а я был только контролером. К тому же она умерла, родив Мицци, и бог тому свидетель — я был хорошим отцом и не жалел для девочки своего сердца. Мицци была стройная и сильная, она любила плавать и играла в теннис с молодыми людьми в кремлевских бродях и белых туфлях... Теперь они не здоровались с ней, а она смеялась и целовала меня в плечо.

Она снова коснулась тонкими пальцами того места на плече, где лежали ее пощелки, потом словно прикрыл их ладонью, это было нежное и беспомощное движение, в котором раскрывалась полная любви душа старика.

Жить становилось все тяжелее... Люди с деньгами бежали за границу — в Бразилию, в Мексикку, на край света. Бежали и молодые: им не нужно было денег, молодость была их капиталом. А я был старый и бедный. Молодой поэт, с которым Мицци не встречалась уже три года, пришел к нам на другой день после того, как наша вступила в Вену. — Я решил покинуть родину, — он выговорил это слово с нажимом, словно глотая горькое лекарство. — Куда я направляюсь? Не знаю. Возможно, в Португалию, может быть, в Никарагуа... Я думал о вас все эти три года, Мицци. Вы должны ехать со мной. Вам тут нельзя оставаться. Никто не знает, какой ад ждет тех, кто остается тут.

— А папа? — улыбась, сказала Мицци. Молодой поэт смотрел на полосу пола между своими стоптанными туфлями. Он долго смотрел, словно надеялся, что из щели между плитками старого паркета выползет ответ на ее вопрос. Лицо его посерело, и уши стали восковыми, как у мертвеца. — Нет, — прошептал молодой поэт в пол, обращаясь все к той же щели, в которую он хотел бы провалиться навсегда. Мицци приколола цветом гвоздики к его фланелевой куртке и поцеловала в губы. — Спасибо, я остаюсь, — сказала она. Через неделю мы прочли в газете, что его застрелили на Бреннере, по дороге в Италию.

Я не помню, когда впервые появился Отто, белокурый изумрудный вестник в форме СС. Он краснел, как мальчик, разговаривая с моей Мицци. Он был ранен в руку, жевал, на Вестерплатте, правая рука у него была безнадёжна, но я видел, как крепко он обнимал мою Мицци левой, когда я уходил в свою комнату, чтоб не видеть ее загадочных веселых глаз... Он не рассказывал о своей службе, но и не надо было рассказывать. Мицци сказала ему, чтоб он не обращал на меня внимания, — я не отец ей, я взял ее сиротой. Разве не видно, что мы разной крови? Она благодарна мне за то, что я ее воспитал, — вот и все. И Отто терпел меня, как терпел старую тряпку до той поры, когда нужно было выбросить в мусорную яму... Когда фюрер пошел на восток, нас начали вывозить в Бухенвальд, Ravensbrück и Освенцим.

Где пьют, там и бьют, Чашки, кружки об пол бьют...

И ты, в прозрачной юбочке, Юна, бела, Дрожишь, как будто ромочка На краешке стола. Юбочка, как трещинка, Играет на губах. И темные отметинки Слезинки на щеках... Где пьют, там и льют — Слезы, слезы, слезы льют.

Журнал, носивший обиходное имя — «Юность», — должен не просто публиковать стихи молодых поэтов. Читатели вправе ждать, чтобы отдел поэзии этого журнала показывал сегодняшнее состояние нашей молодой поэзии, чтобы молодые поэты, печатающиеся в нем, были, так сказать, полночными и представителями. Сейчас журнал явно стремится в таком авторитетному представителю.

Юность — это пора, когда человек интересуется всем на свете. Музыкой и спортом, политикой и любовью, освоением космоса и живописью, новостройками Сибири и лирическими стихами.

Редакция «Юности» хорошо знает своего читателя. На страницах только трех последних номеров можно прочесть о жизни поэта Находка (очерк М. Белкиной), о возможностях современной химии (очерк Сусанны Иконниковой), о ребятах, пришедших в институт с завода (очерк Илья Зверева), о степях Казахстана (очерк В. Яценко), о картинах замечательного советского художника А. Платова, о парашютистах, о музее Шерлока Холмса в Лондоне.

Широта и многообразие, свойственные «Юности», не становятся ведомостью. Как бы ни были далеки друг от друга по жанровым признакам, по художественным манерам вещи, напечатанные в журнале, в каждой из них ясно ощущается четкая идейная направленность.

«Почта «Юности» — один из самых проблемных отделов в журнале. Быть может, именно здесь зарождаются идеи и замыслы, впоследствии находящие свое воплощение в рассказах, повестях и романах.

Разумеется, это не следует понимать упрощенно. Речь идет не о том, что из текущей почты «выживают» темы и сюжеты. Речь идет о глубокой связи журнала с жизнью сегодняшней молодежи. Ее мысли, чувства, стремления и надежды в журнале знают доподлинно, не понаслышке. Но он не просто регистрирует те или иные оттенки настроения в среде молодежи. Он стремится влиять на нее, формировать разностороннюю, многогранную и целеустремленную коммунистическую личность.

И дело даже не в том, много или мало было в журнале повестей и рассказов о героях войны, много или мало в этих произведениях страниц посвящено описанию комсомольских собраний. Важно другое. Основные прозаические вещи, опубликованные в последнее время «Юностью», — начиная от повести Ирины Гофф «Поэт можешь ты не быть...» и кончая повестью Н. Зелеранского и Б. Ларина «Мишка, Серега и я» — это, по сути дела, книги о комсомольском характере. Их герой — молодой человек наших дней, чистый, требовательный к себе, каждый свой поступок оценивающий сравнением с теми, кто совершает героические.

В. МИХАЙЛОВ

ПИСАТЕЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ

УТРЕННИЕ часы и всю первую половину дня Вера Федоровна Панова отдает работе над рукописью. И нет такого важного дела, которое могло бы в это время оторвать ее от рабочего стола. Большой стол вплотную придвинут к окну, выходящему на просторное и зеленое Марсово поле. В стороне, справа, четко выделяется силуэт Нижнегородского замка. Прямо за площадью начинаются чугунные решетки Летнего сада...

В комнате Веры Федоровны стоит большой остекленный шкаф. В нем хранятся книги В. Пановой на многих языках мира. Вот «Кружались» на китайском языке, набранная мелкими иероглифами. Вот финский «Сережа». Произведения писательницы шагнули далеко за пределы России.

Вера Федоровна никогда не пишет заранее подробно разработанного плана, отдельных характеристик, портретов. Не ведет она и записных книжек, исключая те случаи, когда материал нуждается в специальном изучении, разысканиях исторического порядка и т. п.

— Основные связи держатся в памяти, и их никогда не упустить. Для меня, — говорит Панова, — герой начинает жить, когда он заговорил и я его услышала. После этого он может говорить о чем угодно, делать доклад или объясняться в любви, — я его слышу так же отчетливо, как если бы он говорил над моим ухом.

А бывает и так, что герой доживает до последней страницы и молчит. Не заговорил. А как часто уже готовы, отработанные листы лежат в корзине, и все приходится начинать чуть ли не заново. Так было с «Временами года», с «Сентиментальным романом», которые писались долго и нелегко.

Мы заговорили о жизненной основе «Сентиментального романа».

— Да, в нем много автобиографического, несродственно пережитого, хотя, конечно, есть и вымысел. Но это тот редкий для меня случай, когда я могу точно указать реальных прототипов многих героев. «Сентиментальный роман» вовсе не был задуман как историческая вещь, хотя там идет речь о двадцатых годах.

— Если вы заметили — не только о двадцатых, так как действие переносится и в тридцатые годы, и в наши дни. Мне хотелось, чтобы в каждом герое были отчетливо видны его задатки, его будущее, его возможная судьба — все то, что приближает ровесников моей юности к нам.

В тот день, когда я пришел к Вере Федоровне для беседы, «Ленинградская правда» заканчивала печатание нового рассказа В. Пановой «Первое путешествие Вали» — о тревожных днях начала войны. Все, что есть в рассказе, знакомо до щемляющей боли: расставание с близкими, брошенный семейный очаг, толпа у вокзала, ожаждающая отправки, вагонный быт эвакуированных...

Я заинтересовался историей создания рассказа.

— «Первое путешествие Вали», — сказала Вера Федоровна, — открывает небольшой цикл рассказов о военных временах. В цикл войдет еще несколько историй: «Второе путешествие Вали», «Возвращение Володы» и другие. Эти рассказы о тыловых деталях — дань переживаниям военных лет.

— Когда возникает новый замысел, — говорит Панова, — в его основе всегда лежит что-нибудь очень конкретное, зримое, что можно осязать: человеческое лицо, город, родные улицы, чем-то поразивший предмет. Не представляю, что работа писателя может начинаться с голого тезиса.

Я спросил у Веры Федоровной о замысле

ЗАБОТЫ ХУДОЖНИКА

ле нового романа «Ленинградские улицы», над которым она сейчас работает. — Мне хочется написать добрый, веселый роман о людях нашего города. Вы когда-нибудь видели в Михайловском саду пчелиные ульи?

Я признался, что ульев никогда не видел, хотя много раз бывал в Михайловском саду.

— Так вот: в центре Ленинграда кто-то разводит пчел и каждый год летом выставляет ульи.

И Вера Федоровна очень живо, с юмором передала содержание нескольких жанровых сцен, которые, по всей вероятности, займут свое место в новом романе.

— Я не коренная ленинградка, — говорит Панова. — Но я бесконечно люблю наш город и не перестаю удивляться ему. Мне кажется, что это лучшее место на земном шаре. Мне нравится Ленинградская окраина ранним утром — с ее строениями, трубами, желтыми и оранжевыми дымами.

Не так давно мне пришлось побывать в рабочем объединении Металлического завода. Я бываю в суде, слежу за интересующими меня делами. Один из праздничных вечеров я провела в отделе милиции Смольнинского района.

С В. Пановой интересно говорить о литературе, ее старых мастерах и современных писателях, о технологии писательского труда.

Для профессионального литератора, — говорит она, — очень важно сохранять непрерывность в работе, иметь необходимый «задел», который складывается постепенно, используется. Тогда работа над рукописью становится неодолимой потребностью, а не занятием от случая к случаю.

В. Панова пристально всматривается в творчество писателей, открывших в искусстве новые пути. Она подробно говорит о том, как поразительно — по техник — построены характеры в «Мертвых душах», как точно постигнут современный человек Запада в сдержанной и лаконичной прозе Э. Хемингуэя...

— Великие писатели сказали нам о жизни так, — говорит Вера Федоровна, — как не мог за них сказать никто другой. Поэтому их нельзя повторять, нельзя переносить законов созданного ими мира на другую жизнь. Тем более нельзя повторять отдельные приемы их письма. За чужим, заимствованным приемом сразу чувствуется что-то недостающее, картонное.

— Очень хочется писать хорошо, — говорит Панова. — Но нельзя было думать, что для этого достаточно изучить классиков. Изучать их необходимо, но лишь для того, чтобы лучше узнать относительную меру вещей, возможные масштабы дерзания в искусстве.

Творца о классиках, В. Панова неизменно возвращается к сегодняшнему дню литературы. И это сразу чувствуется, заходит ли речь о технике массовых спесу у Золя или особенностях стиля Томаса Манна. Писателю нужен интересуют судьба современного романа, эволюция его структурных форм.

— Современный роман — это уже совсем не то, что было, например, у Диккенса. Герой женился, и на этом все кончалось. Счастливая развязка исключала продолжение. Как будто на этом кончалась жизнь. Теперь на смену жесткому завершению построению все чаще приходит свободное, незавершенное. Законченность романа, его основной мысли достигается новыми, бесконечно более разнообразными средствами. Событийная развязка теряет свое исключительное значение. Современные писатели все на-

стойчивее стремятся овладеть движущимся потоком жизни, ее пестрым течением. Из этого потока невозможно взять все подряд. В захватывающих бытия сознание писателя выделяется какие-то уплотнения, какие-то опорные точки, вокруг которых завязывается замысел.

Снова и снова возвращается В. Панова к своим мыслям о том, как важно в искусстве быть правдивым — в большом и в малом, в общем замысле и в деталях.

— Бывает и так. Читатель роман: на второй странице автору не веришь, на десятой тоже не веришь. И когда на сотой странице вдруг мелькает правда, к ней начинаешь относиться с подозрением — она поребрана под ложью. В искусстве нетерпимо все, что компрометирует художественную правду.

Дальние свои замыслы В. Панова держит пока в секрете и бережет от предвзятых комментариев. Среди них — пьеса, роман-сказка... Драматургия — давняя и неизменная привязанность В. Пановой.

Помню, как несколько лет назад в Ленинградском Доме писателей Вера Федоровна читала пьесу «Метеллица». В чтении автора пьеса оставила сильное впечатление. Трудно забыть ее суровые сцены: полуразрушенную синагогу, куда немцы согнали военнопленных, стойкость и мужество советских людей перед лицом врага, безумную старуху-раввиншу, требующую у бога ответа, куда делась ее дочь...

На мой вопрос о новой пьесе, которую уже давно пишет В. Панова, последовал очень краткий ответ. Пьеса будет о наших днях.

— А роман-сказка? — Эта книга предназначена в основном для взрослых, но я мечтаю написать роман-сказку так, чтобы его с интересом могли прочесть и дети...

Вера Федоровна говорит о большом впечатлении, которое оставил театр Брехта «Берлинер ансамбль», гастролировавший в Ленинграде.

— После Брехта, — сказала она, — трудно писать узкобытовую драму. Современный материал в нее не ложится. Для нового материала драматург обязан искать новые средства выражения, новые формы — очень емкие и свободные от шаблонов.

Вера Федоровна называет ряд имен молодых писателей, с работкой которых ей так или иначе пришлось столкнуться.

— Мне нравится тонкость письма Ричи Достяна. Ее книжка «Что идет?» прелесть. Достяна работает на сравнительно узком материале, но то, о чем она пишет, увидено свежо, точно, по-своему. Удалые книжки выпустили Виктор Конечный, Эдуард Шим, Глеб Горышин. Это даровитые рассказчики, и при серьезном отношении к своему труду, к слову они обещают дать многое.

Говоря о молодых писателях, Вера Федоровна не скрывает опасений, возникших у нее за время многолетней работы с начинающими:

— Меня тревожат нивелировка их стиля под среднестатистическое добросовестное редактора. Нередко молодые авторы, подавшие надежды, сворачивают на легкий путь. Все у них очень правильно, очень благополучно, а настоящего нет. Они быстро становятся похожими друг на друга. Из их писаний исчезает ощущение подлинной жизни, а каждый новый писатель должен прибавить хоть крупинку нового, своего к тому, что известно о жизни по литературе. И эта малая крупинка важнее, чем самые ловкие и умелые литературные упражнения по готовой канве.

— Большая опшибка думать, что если писатель даровит, то может писать о чем угодно, — говорит В. Панова. — Без собственного материала, патитоного выстраданного, заветного, писательский талант — пустой звук, не имеющий общественной ценности бездельца, отвлекающегося. Сколько увидает природных дарований оттого, что не нашли, не сумели найти, не сумели отстоять свой материал, пытались проявиться на материале, который им не по темпераменту, не по вкусу...

За окном стало темнеть. Так бывает в Ленинграде поздним вечером на исходе белых ночей. В зеленые деревья на Марсовом поле заветались десятки бедножелтых шаров.

А. НИНОВ

ЛЕНИНГРАД

Вера Федоровна Панова

ШУМИТ ШУГА

Шумит шуга. Идет вода большая. Река бучует, шумом оглуша. Вот так, вот так, за веком пошедшая, промчалась юность, как вода большая. Уже слегка заидеала висок... И скалы разваливаются в песок... Но где-то в недрах сердца, под ребром, проходит дрожь и происходит гром. Огромен гром.

Он глушит шум потока. И в нем так слышатся слова: Ты приглядишься... вода всегда нова. Сметает время скалы у истоков и намывает в устьях острова. Там, в устьях голубых, простор ласей, там глубже глубь, там свежих ветров трюхот.

Пора, пора потолокаться с эпохой, постычь ее, подтоплять вровень с ней! Грядущий век стоит на переправе...

Ты осыпаться, ты уставать не вправе. Ведь даже камень, — склизкий и нагой, — он въелся в мох, он мок в воде веками. Достань его, ударь о камень камень.

Из камня камень вышибет огонь.

ГОЛОС АЗИИ

Журавли летят на Браманутру. Ночь перемещается на утро. Брежит проснись, бризжет на Востоке. Слышу зов я, тихий зов далекий. Я навея гортанный слышу... может, голос предков сердце мне тревожит? Темными и древними очами Индия зовет меня почами. С детских лет мон тревожа сны, Азия в глаза мон глядит, Азия в крови моей гудит.

Солнце всходит с нашей стороны... Я хлестал в походах жгучий ветер, на привалах ел с ладони снег. Рыл я грунт на трассах, чтоб век пороком не пахло на планете. И глядела древними очами Азия в глаза мои ночами.

И всегда я знал: она со мной, вон за той, крутой голубиной! Вон за той, крутой голубиной первозданной, азиатский зной. ...Там, в земле загадочной и мудрой, ночь перемещается на утро. С берегов, печалью повитых, за моря уходит, меркнет мгла...

И сама Америка была по дороге в Индию открыта!

Ох, уж эти читатели...

«ВЕЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ»...

ЧЕЛОВЕКУ на нос села муха. Мелкий, ничтожный факт. Но предостережение его умело, — и он поднимается до уровня события. Сделайте глубокомысленное лицо и наметьте тем самым на некий таинственный смысл происходящего.

Если кто-нибудь и заявит, что он ничего не понял, не уловил связи между возвышенной важностью тона и убогим содержанием, то можно негодующе сказать: «Вот именно, он ничего не понял!» и усмехнувшись останется в дураках...

Повод для вышеназванных соображений дали мне рассказы А. Вердяна, опубликованные в № 2 «Литературной Армении». Хороший журнал, интересный, разнообразный номер, но вот эти рассказы...

Жаркий летний полдень. «В троллейбус вошла женщина». (Так называется рассказ.) Красивая. Мужчины оживляются. Женщина сходит на остановке, и в троллейбусе опять возвращается скука. Рассказ этим кончается. Смысл? Очевидно, такой: «Красивая женщина» всегда «действует» на мужчину, даже в жаркий день, когда мужчина vuol, словно рыба, вытесненная из воды.

Вечной теме «Он и Она» посвящен рассказ «В комнате было пусто». Сначала Он и Она любят друг друга. Потом Он ее уже не любит. Но когда Она от Него уходит, Он тоскует и зовет Ее к себе, Она возвращается.

Эта оригинальная тема приобретает некий «глубокий» оттенок в связи с тем,

что Он и Она закрыты от нас, как говорили раньше, «мраком неизвестности». Он есть Он, Она есть Она — большие лица, но они не сообщают. Почему Он разлюбил Ее, почему Она все-таки вернулась к нему? Это загадка, которую ни одному из читателей «Литературной Армении» не разгадать.

Как повествует А. Вердян! Каждая фраза на вес золота: «В открытое окно входило фиолетовое утро. Раннее и потому еще совсем прохладное. Сочное и легкое. Прозрачное до слез. Весеннее ереванское утро». Импрессионистические абзацы встречаются чуть ли не через строчку: «Женщина прошла немного вперед. К средине сиянием».

Пассажирки разглядывали ее. У женщины был не только приятный голос. Она была красива».

Самой собой разумеется, в рассказе А. Вердяна нет ни одного собственного имени: сложные, «общечеловеческие» проблемы, которые автор поднимает, конечно, не могут быть связаны с конкретными людьми.

Редакция журнала «Литературная Армения», очевидно, разглядела в этих рассказах А. Вердяна какие-то «космические дали». Нам очень хотелось бы узнать, что такое она увидела.

А. ОБЕРТЫНСКИЙ

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Некоторые последствия разоружения.

Рисунки КАМБА

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ИЗ БУФФАЛО

КОНЕЧНО, мистера Фергюсона знает весь деловой Буффало. Знает его фирму «Фергюсон электрик констракшн компани»...

Если бы мне довелось сейчас поехать в Белый дом, я бы сказал нашему президенту: «Дорогой Айн Скорее восстановите американско-советскую торговлю».

Здесь, в Москве, у меня возникла следующая мысль. Я отец трех сыновей: Гильома, Джеймса и Дэвида. Так вот, осматривая блестящий дворец университетов, мне захотелось, чтобы Гильом, получив среднее образование, приехал учиться в Москву...

ЕСЛИ НАСТУПИТ ВЕЧНЫЙ МИР...

Мир на земле. Мир для всех. Разоружение полное и всеобщее. Кто из людей, наделенных разумом и сердцем, не мечтал об этом? И вот теперь мечта воплощается в ясные и мудрые предложения главы Советского правительства.

Заря над бездной

ДВАДЦАТЬ семь лет назад мне довелось участвовать в переводе на русский язык романа мексиканского писателя Хосе Мансисидора «Матей».

Однако в том национальном движении, которое сейчас охватило страны Латинской Америки, принимают деятельное участие не только коммунисты. Движение это общенациональное, общенародное.

Иллюзии господина Штейнингера

НЕ ТАК ДАВНО к нам в руки попал один номер журнала «Отеуэра», издающегося в Штутгарте (ФРГ), где была опубликована статья Александра Штейнингера «Младшее поколение советских поэтов».

Вы, господин Штейнингер, хотите, чтобы мы разубедились в революции. Этого не будет никогда! Во имя революции, во имя Коммунистической партии мы будем воспевать все лучшее, что есть у нас в стране.

Слишком явно ступает сквозь страницы статьи «Младшее поколение советских поэтов» злобное лицо врага. Нашего врага. Как же на самом деле живем мы, якобы загнанные, преследуемые, мало печатаемые?

Это — стихотворение «Ангарск» из сборника Харабарова, вышедшего в Иркутске. А вот что пишет Юрий Панкратов, стихи которого, по вашему выражению, господин Штейнингер, «непереводимы»:

Вайра, героиня романа bolivийского писателя Хесуса Лары «Янауна», — простая индийская женщина, с детских лет испытывавшая всю тяжесть унижения и эксплуатации богатеев, потерявшая в борьбе за землю мужа и детей.

Члены группы промышленников и финансистов из Буффало посетили Советский Союз. Слева направо: Джозеф Дэвис, Декстер Рамси, Чарльз Фикхтер, Эрнан Стил. Фото А. Кинзева

Вам, господин Штейнингер, невзгодно цитировать наше «Хорошо!». Когда вы цитируете наши стихи, и хорошие, и слабые, то это выглядит примерно так:

Ты же знала, что дрейф не будет плавным, Знал, что дело тут дойдет до драки, Потому что в человеческие планы Вносит Арктика (понимай, партия... А. Ш.) свои поправки...

ИЗВЕЩЕНИЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ «СОЮЗПЕЧАТИ» МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ СССР. С 1 октября текущего года открылся прием подписки на газеты и журналы на 1960 год, распространяемые органами «Союзпечати».